

ки географического пространства и его воздействия на локальный социум. Здесь на первый план выходит тесная взаимосвязь физического и социального пространства, наиболее зримо реализующаяся на границах. Границах, не только разделяющих и связывающих существующие локальности, но выступающих основой для появления новых сообществ, представляющих собой варианты новых траекторий развития региона.

1.1. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа

Как и все города России, города Сибири и Дальнего Востока – во многом продукт бурной урбанизации XX века. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., численность городского населения составляла 9,9 млн человек, горожанами – в границах территории современной России – были только 15 % населения²⁰. На огромной территории Сибири, к которой относились все губернии от Тобольской на восток, проживало 5 758,7 тыс. чел., из них горожан насчитывалось 485,7 тыс. человек, или 8,4 %²¹. Самым крупным городом Сибири в то время являлся Томск с населением 52 тыс. человек, немногим уступал ему Иркутск – 51 тыс., за ними следовал Омск с 37 тыс. человек. Многие из современных городов в то время просто не было или они не имели городского статуса. К их числу относятся, например, Новосибирск, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре, Новокузнецк, Прокопьевск, Магадан, Абакан, Норильск, Находка, Ангарск, Братск. Справедливости ради отметим, что и в Европейской России больших (с населением 100 тыс. и более) городов было мало, кроме Санкт-Петербурга и Москвы выделялись Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Тула, Астрахань, население которых превышало 100 тыс. человек, многие же из ныне крупных городов насчитывали лишь по несколько десятков тысяч жителей.

²⁰ Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. // Госкомстат России. М., 1998. С. 32.

²¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905 // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly, приложения. [Электронный ресурс]: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (режим доступа: свободный).

Несмотря на катаклизмы начала XX века, население России и Сибири увеличивалось, но города росли опережающими темпами. Они прирастали благодаря и естественному приросту, но в еще большей степени – за счет притока больших масс вчерашних крестьян, выталкиваемых из деревни малоземельем и коллективизацией, и востребованных городами при бурном развитии промышленности. В Сибири и на Дальнем Востоке России, которые в то время продолжали осваиваться и заселяться, «своих» крестьянских ресурсов для роста городов было мало, их явно не хватало для высоких темпов урбанизации. Поэтому «своих» дополняли переселенцы из других регионов страны. Многие из них попадали недобровольно. Лагеря ГУЛАГа на востоке страны были повсеместно, благодаря труду заключенных возникали целые города, например, Норильск. Сибирь служила одним из мест депортации так называемых «наказанных» народов. Напряженные отношения с Японией, а позднее – с Китаем, заставляли держать на восточных рубежах мощные армейские группировки, обрастающие инфраструктурой в виде военных городков и т. п. Эвакуация промышленности на восток во время Второй мировой войны не только способствовала индустриализации, но и сопровождалась притоком десятков тысяч специалистов и членов их семей.

Был и добровольный, и условно-добровольный приток – через переселения по общественному призыву, распределение специалистов и иных организуемых государством переселений. В результате города прирастали не только и не столько «своей» деревней, сколько переселенцами из западных регионов страны.

Заселение Сибири и Дальнего Востока время от времени «давало сбои», процесс движения населения на восток не был плавным и равномерным, не все территории к востоку от Урала и не всегда притягивали мигрантов. По расчетам В.И. Переведенцева, за 1959–1963 гг. Западная Сибирь потеряла за счет миграции 230 тыс. человек²². В целом в 1960-е годы Западная Сибирь лишилась за счет миграции 740 тыс. человек, отток населения был и из Восточной Сибири. Незначительный отрицательный миграционный баланс у этих районов сохранялся и в 1970-х го-

²² Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. С. 11.

дах²³. Изучая приживаемость новоселов в городах Сибири, В.И. Переведенцев и Ж.А. Зайончковская отмечали сильный обратный отток, рассматриваемый как серьезная народнохозяйственная проблема²⁴.

Даже ресурсов столь большой и быстрорастущей страны как СССР, хватило только для очень дисперсного освоения огромных пространств и организации неплотной, в основном вытянутой вдоль южной границы, сети больших городов, буквально «нанизанных» на Транссиб. Совместно с ним и сформировался здесь опорный каркас расселения практически линейной формы.

Что касается больших городов, то к 1926 г. в Сибири и на Дальнем Востоке было четыре города с населением свыше 100 тыс. человек: Омск, Новосибирск, Иркутск и Владивосток. К 1939 г. к ним добавились Барнаул, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Прокопьевск, Томск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск. К 1959 г. их число пополнили Ангарск, Бийск, Киселевск, Комсомольск-на-Амуре, Ленинск-Кузнецкий, Норильск, Рубцовск, Уссурийск. К закату советской эпохи (1989 г.) население России в целом и ее восточных районов было максимальным. На территории нынешних Сибирского и Дальневосточного округов насчитывалось уже 35 городов с населением свыше 100 тыс. человек, а всего городов имелось 190, или 18 % от общего числа российских городов. Это был «пик» заселенности восточных территорий страны, с этого времени процесс пошел вспять.

Освоенность Сибири и Дальнего Востока и обеспеченность их территории городами представляется, безусловно, низкой в сравнении не только со странами Европы или с соседним Китаем, но и с Европейской частью России. Впрочем и природные условия этих мест несравнимы: на востоке России природа и климат гораздо суровее. Если уж сопоставлять Север Евразии, то с Канадой. Юг Сибири и Дальнего Востока имеют некоторое сходство с расположенными на той же географической широте канадскими территориями. Так, Иркутск, Чита, Улан-Удэ и Бар-

²³ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С. 73.

²⁴ Переведенцев В.И., Зайончковская Ж.А. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО РАН СССР, 1964; Зайончковская Ж.А. Основные понятия и показатели приживаемости новоселов // Статистика миграции населения / Науч. ред. А.Г. Волков. М.: Статистика, 1973. С. 48-65.

наул расположены примерно на широте Эдмонта (центра провинции Альберта), Калгари и Саскатуна. Благовещенск близок Реджайне, Хабаровск – Виннипегу. Владивосток лежит южнее Ванкувера, но по природным условиям Ванкувер близок к Сочи. Однако уже на широте Омска, Новосибирска и Кемерово в Канаде нет крупных городов, сопоставимых с российскими по размеру. Там, где расположен почти миллионный Красноярск или 250-тысячный Братск, в Канаде есть только города, население которых не превышает 50 тыс. человек. Тем более в высоких широтах Американского континента нет ничего похожего на Норильск или Якутск. Анкоридж (Аляска, США), разместившийся немного севернее Магадана, по природным условиям гораздо комфортнее для проживания и сопоставим тут, скорее, с Владивостоком.

Россия вообще очень северная страна: причем не столько по географии, сколько по расселению населения. По расчетам А.И. Трейвиша²⁵, россияне в среднем, даже с учетом Европейской части, расселены севернее, чем канадцы, но южнее, чем шведы. Но при этом даже шведу зимой теплее, чем россиянину. Получается, что СССР и Россия сделали практически все возможное для освоения суровых северных и восточных территорий, по крайней мере, с точки зрения заселения населением.

Таким образом, к началу 1990-х гг. Сибирь и Дальний Восток были недонаселены, если их сравнивать с Европейской частью страны, и тем более, с европейскими странами, но в сравнении с территориями, схожими по природным условиям, даже несколько «перенаселены». На тех же широтах в США и Канаде проживает меньшее количество людей, чем в восточных территориях России.

Как правило, в территориях с тяжелыми и экстремальными природными условиями похожие на Россию северные страны создают и развивают малые города, поселки вахтовиков, полагая такой способ освоения этих мест экономически целесообразным. При административно-командной системе СССР (Россия) позволяла себе не обращать особого внимания на требования и законы экономической эффективности.

²⁵ Трейвиш А. Россия: Население и пространство // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2003. №95-96. 1-19 янв. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/tema03.php> (режим доступа: свободный).

С распадом СССР и крахом плановой экономики население востока России стало активно переселяться на запад, что в российских природно-климатических условиях означало «на юг», в регионы Европейской части страны. Этот процесс, охвативший огромные территории, получил название «западный дрейф»²⁶. За 1991–2002 гг. Сибирский и Дальневосточный округа, с учетом корректировок данных от итогов переписи населения 2002 г.²⁷, потеряли примерно 1,8 млн человек в результате их оттока на запад, в 2003–2010 гг., также с учетом переписных поправок (2010 года соответственно) – почти 1 млн человек. Этот отток в какой-то мере компенсировался миграционным притоком из постсоветских стран, он был значительным в 1990-е гг. Но привлекательными для переселенцев являлись в основном только регионы Западной Сибири. За 1992–2000 гг. они получили более 600 тыс. прироста в миграционном обмене с постсоветскими странами. Восточнее Красноярска эта миграционная «волна» почти не докатывалась, а регионы Дальнего Востока теряли население и в обмене с постсоветскими странами (прежде всего, с Украиной и Беларусью). В 2000-е гг. поток переселенцев (мигрантов на постоянное место жительства) из стран СНГ сильно сократился, как в Россию в целом, так и в регионы Сибири, даже в южные, граничащие с Центральной Азией.

Масштабы миграционного оттока были максимальными на крайнем северо-востоке, где западный дрейф «берет свое начало». За 1990–2010 гг. с Чукотки выехали 75 % населения, из Магаданской области – 60 %, Камчатский край потерял 33 % жителей, Сахалинская область и Якутия – по 25 %. Потери сибирских регионов были меньше, но Забайкальский край лишился 20 % населения, Иркутская область – 11 %. Их западные соседи получали значимую подпитку уже за счет западного дрейфа, частично компенсируя собственные потери. Кроме того они привлекали мигрантов из Казахстана и Средней Азии.

²⁶ Подробнее см.: Мкртчян Н.В. Миграция в России: Западный дрейф // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2005. № 185-186. 10-23 янв. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php> (режим доступа: свободный).

²⁷ Данные переписи показали нехватку населения почти во всех регионах востока России, что явилось, по всей видимости, результатом недоучета выезда населения на запад страны, и позволили скорректировать масштабы западного дрейфа в сторону увеличения.

За редким исключением, миграционная убыль была связана не столько с активизацией выезда населения из регионов Сибири и Дальнего Востока, но и являлась следствием резкого сокращения миграции на восток страны. Между востоком и западом страны со времени постройки Транссиба существовал интенсивный обмен населением, многие переселенцы не приживались, но значительная часть оставалась. Однако в конце 1980-х годов движение на восток стало сокращаться. По данным Росстата, в 1989 г. из регионов Европейской части и нынешнего Уральского ФО в Сибирь и на Дальний Восток прибыли 177 тыс. человек, в 2010 г. – лишь 97 тыс. человек. Некоторую часть спада можно отнести на счет сокращения миграции, связанной с армией, но и уменьшение миграции очевидно.

В современных российских условиях сложилась такая ситуация, когда не вполне понятно, кто едет на восток страны и, как это ни странно прозвучит, зачем туда ехать. Движение ради «свободы» и более вольной жизни – как это было в XVII–XIX вв.²⁸, Сибири более не свойственны. «За длинным рублем» сюда ныне тоже не ездят. Система северных коэффициентов и льгот хотя и действует, но сильно обесценена и не имеет такого значения, как в советское время. Сегодня, если человек хочет заработать – он едет в Москву и область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа. Несмотря на бодрую риторику, масштабные проекты в регионе не осуществляются (за исключением саммита АТЭС 2012 г.), и дополнительные рабочие руки особо не востребованы. На учебу также тянутся в Москву и Санкт-Петербург. Несмотря на то, что в Сибири (прежде всего, в Новосибирске и Томске) есть очень хорошие вузы, из Европейской части страны сюда учиться не едут. «На пенсию», имея определенные накопления, люди чаще перебираются на Кубань или в благодатное по российским меркам Черноземье, но не в зону БАМа, на Камчатку или Сахалин. Возможно, значительная часть миграции в Сибирь и на Дальний Восток, фиксируемая статистикой, – это

²⁸ «Важной социокультурной причиной ухода на новые территории было стремление человека уйти от власти, от государства, воплотить идеал воли, переселиться на дальние «вольные земли», где начнется совершенно новая идеальная жизнь, представления о которой культивировались в народных утопиях», – писал А.С. Ахиезер (Ахиезер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6).

возвратная миграция, в какой-то мере «противоток» многолетнего и мощного западного дрейфа.

В конце советской эпохи почти 22 % жителей Сибири и Дальнего Востока родились в других частях страны и других странах (табл. 1). К 2002 г. численность уроженцев других регионов и стран снизилась до 16,5 %, к 2010 г. – до 13,9 %²⁹.

Таблица 1

Жители Сибири* и Дальнего Востока по месту рождения, на даты переписей 1989, 2002 и 2010 гг.

* В границах Сибирского федерального округа.

	1989		2002		2010	
	млн человек	%	млн человек	%	млн человек	%
Все жители Сибири и Дальнего Востока	29,0	100,0	26,8	100,0	25,5	100,0
в т. ч. уроженцы						
Сибири и Дальнего Востока	22,7	78,1	22,3	83,2	21,3	83,5
Европейской части и Урала	3,7	12,9	2,3	8,7	1,7	6,5
Стран ближнего зарубежья	2,4	8,3	2,0	7,5	1,8	6,9
Стран дальнего зарубежья	0,2	0,7	0,1	0,3	0,1	0,3
Не указали место рождения			0,1	0,3	0,7	2,7

Получается, что постепенно восточные регионы страны всё больше замыкаются сами на себя, и для них это – новая ситуация.

Второе отличие последних десятилетий – начавшаяся депопуляция. Естественные потери населения на востоке России не были такими большими, как в регионах Центральной Рос-

²⁹ Хотя в последней переписи населения резко увеличилось число не указавших место рождения (в Сибири и на Дальнем Востоке их численность составила 687 тыс. человек), даже если распределить их пропорционально численности указавших место рождения, к уроженцам других регионов и стран добавится 113 тыс., или 0,44 %, и принципиально ничего не поменяется.

сии. Здесь повсеместно была немного выше рождаемость, а в ряде регионов – она была даже высокой по российским меркам (Тыва, Якутия, Бурятия). Ситуация со смертностью и продолжительностью жизни в регионах Сибири и Дальнего Востока хуже, чем в целом по стране, но сохраняющаяся сравнительно молодая (по отношению к регионам западной части страны) возрастная структура населения пока сказывается благоприятно на соотношении смертности и рождаемости. В результате потери от депопуляции в большинстве регионов не являлись основным фактором сокращения численности населения; определяющим было все же влияние миграции.

Такая ситуация стала серьезным вызовом для системы расселения населения на востоке страны, для, и без того негустой, сети городов. Все предыдущие десятилетия города развивались в условиях быстрого роста населения и притока населения из других частей страны. Собственно, рост городов и определял увеличение численности населения Сибири и Дальнего Востока. Здесь всегда были скромные внутренние ресурсы для их роста. За исключением юга Западной Сибири и отдельных республик, сельского населения здесь мало. Работы по Иркутской области³⁰ и Красноярскому краю показали, что не только средние по размеру и влиянию города, но и региональные столицы вынуждены конкурировать за мигрантов не столько между собой³¹, сколько с зауральской (Европейской) Россией. Перед людьми, проживающими в сельской местности, малых городах, при желании переехать в крупный город на работу или учебу, всегда стоит альтернатива: либо переехать в «свою» региональную столицу, либо уехать за тысячи километров на запад, в ту же Москву, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Нижний Новгород, Екатеринбург... Те же направления миграции используют жите-

³⁰ Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21-38; Мкртчян Н.В. Современные возможности крупных городов Сибири по привлечению мигрантов (на примере Иркутской агломерации) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции 15–16 мая 2009 г., г. Усть-Каменогорск. Усть-Каменогорск: Либриус, 2009. С. 255-267.

³¹ Хотя и эта конкуренция прослеживается между Иркутском и Красноярском, Барнаулом и Новосибирском, Томском и Новосибирском.

ли самих региональных столиц, при этом адекватного притока с запада страны нет.

Почему же сейчас люди не едут из европейской части страны в Сибирь и на Дальний Восток? В рамках этого текста нет возможности и необходимости обозреть все причины, как базовые, фундаментальные, так и конъюнктурные. Остановимся на одной из них, представляющейся базовой. На рубеже XIX–XX вв., когда шло активное заселение восточных районов страны, в т. ч. организованное правительством, население многих губерний Европейской России увеличивалось на 2–2,5 % ежегодно, что привело к аграрному перенаселению и обезземеливанию сотен тысяч крестьян. Переселения в Сибирь – во многом следствие этого. В 1930-е гг. темпы роста населения, несмотря на все «прелести» коллективизации, также были высоки, и желающих сбежать из деревни в города, пусть и через всю страну, было предостаточно. Самая серьезная проблема нынешнего периода – ограниченность демографических ресурсов. В России недонаселены не только восточные районы, но и центр европейской части. По расчетам, основанным на минимально необходимой плотности сельского населения, для успешного ведения сельского хозяйства в Европейской части России недостает около 5 млн человек³². Кроме того, для развития сельского хозяйства только в основной сельскохозяйственной зоне Европейской России (без севера) не хватает 64 больших города с 6–7 миллионами населения³³. Приведенные расчеты выполнены десять лет назад, с этого времени ситуация усугубилась: во многих регионах Европейской России только региональные столицы имеют стабильное население, население остальных городов и районов сокращается темпом, равным 10–15 % за десятилетие.

Население городов востока России устойчиво сокращается в результате естественной убыли (табл. 2), причем это касается больших, средних и малых городов. В 1990-е гг. показатель естественной убыли не зависел от размеров городов и их столичного статуса, в 2000-е гг. ситуация в больших городах и региональных столицах стала отличаться в благоприятную сторону.

³² Вишневатский А.Г., Андреев Е.М., Тревиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М.: ИЭПП., 2003. С. 33–36.

³³ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перекутке: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 299–301.

Таблица 2

**Естественный и миграционный прирост населения городов
Сибирского и Дальневосточного округов, в среднем за год,
на 1000**

	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010
Естественный прирост (убыль)				
Региональные столицы	-2,2	-3,8	-3,3	0,0
Города по численности населения				
более 100 тыс. чел.	-2,6	-4,3	-4,0	-0,9
50–100 тыс. чел.	-1,9	-4,5	-5,6	-1,9
менее 50 тыс. чел.	-1,7	-4,4	-5,6	-2,6
Миграционный прирост (убыль)				
Региональные столицы	-0,4	2,2	-0,8	3,3
Города по численности населения				
более 100 тыс. чел.	-0,3	1,1	-0,9	1,9
50–100 тыс. чел.	1,9	-1,9	-0,2	-0,5
менее 50 тыс. чел.	-3,6	-5,4	-2,0	-3,1

Источник: база данных «Экономика городов России», <http://www.multistat.ru>; данные Росстата.

В 1990-е гг. только считанные города Сибири и Дальнего Востока имели естественный прирост населения, среди больших и крупных городов – это были лишь Якутск, Норильск и Усть-Илимск. В 2000-е гг. к ним добавились Чита, Улан-Удэ и Томск. Среди городов с населением от 50 до 100 тыс. естественный прирост в 1990-е гг. был в Амурске, Краснокаменске, Саяногорске, Нерюнгри и Кызыле, в 2000-е гг. в Амурске и Саяногорске прирост сменился убылью. Среди малых городов естественный прирост в 1990-е гг. наблюдался в 22 (но это – только 19 % от общего числа городов этой группы, по которым за данный период имелись сопоставимые данные), в 2000-е гг. – в 17 (14 %).

В 2006–2010 гг. крупные города востока России потеряли за счет естественной убыли 50 тыс. человек, эти потери были ниже, чем в предыдущие годы, до этого примерно такие потери от депопуляции они несли ежегодно. В 2009–2010 гг. крупные города

даже имели небольшой естественный прирост населения. Факторы благоприятной динамики процессов естественного движения населения – рост рождаемости в последние годы и, как и во всей России, временно благоприятная возрастная структура населения. В отличие от малых городов и сельской местности, которые по-прежнему депопулируют, приток мигрантов в крупные города омолаживает возрастную структуру населения, что благоприятно сказывается на рождаемости. Позитивное влияние миграции на демографические процессы – не российская особенность, оно отмечено, например, для крупнейших мировых городов³⁴.

Несмотря на устойчивый западный дрейф, миграционная убыль была характерна не для всех городов востока России. Большие города в целом испытали два периода миграционной убыли: в начале 1990-х и в начале 2000-х гг. (табл. 2). Малые и средние города имели устойчивый миграционный отток населения³⁵. Как уже упоминалось, переписи 2002 и 2010 гг. существенно скорректировали миграционный баланс регионов востока страны, и в т. ч. их городов. При этом если поправки данных по малым и средним городам заставляют пересматривать миграцию в сторону увеличения оттока (так было, например, после переписи 2002 г., когда Иркутскстат пересмотрел в сторону увеличения миграционную убыль городов и районов, не входящих в Иркутскую агломерацию³⁶), то по крупным городам это не всегда так. Например, по результатам переписи 2002 г. Красноярскстат скорректировал миграционный прирост г. Красноярска в сторону увеличения.

Конечно, данные текущей статистики миграции и переписи почти не учитывают временных трудовых мигрантов. Как и везде в России, они в основном приезжают в крупные города. К западу от Красноярска трудовые мигранты представлены в основном выходцами из среднеазиатских стран, далее на восток становится все более значимой китайская компонента.

Численность временных трудовых мигрантов в регионах Сибири и Дальнего Востока не известна. Переписи не могут дать

³⁴ Слуга Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.

³⁵ Напомним, что показатели миграционного прироста/убыли населения, приводимые в данной статье, рассчитаны на данных регистрируемой миграции, публикуемой Росстатом.

³⁶ Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21-23.

адекватного ответа, т. к. охват этой категории жителей России был невелик. Оценки для всей России разнятся в пределах 2,5–9 млн человек³⁷. Соответственно, оценить численность трансграничных мигрантов на территории Сибири и Дальнего Востока не представляется возможным. Скорее всего, в крупных городах их число может достигать по несколько десятков тысяч человек в каждом, но вряд ли, даже в сезон, превышает 100 тыс. человек. Многие из иностранцев являются циркулярными мигрантами, но часть из них (примерно 25 %) живут в России практически постоянно, на родину почти не ездят³⁸. Конечно, к трансграничным мигрантам причисляют и граждан России – уроженцев и выходцев из других стран, но этот критерий имеет серьезный изъян: многие приехали в Россию еще во времена СССР, т. е. мигрировали в пределах страны, никогда не пересекая государственной границы.

Данные статистики показывают, что среди больших городов с численностью жителей более 100 тыс. человек, устойчивый миграционный прирост населения в 1990-е гг. имели более половины, в 2000-е гг. – треть от их общего числа. Среди малых и средних – 44 % в 1990-е гг. и 34 % в 2000-е. Число городов, получающих миграционный прирост в 2000-е гг., сокращалось, но суммарный миграционный баланс городов в этот период был несколько лучше, чем в предыдущее десятилетие. В 1990-е гг. западный дрейф был выражен сильнее, но был больше и миграционный приток населения из стран нового зарубежья. В 2000-е гг. западный дрейф несколько поутих, но и приток из стран СНГ сократился.

³⁷ Согласно оценкам исследователей (Экспертное совещание «Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России». Москва, июль 2010 г. Основные результаты. [Электронный ресурс]: сайт ЦЭПРИ: URL: <http://www.indem.ru/Ceprs/Migration/OsItExSo.htm> (режим доступа: свободный)), численность временных трудовых мигрантов в России в 2008 г. составляла от 2,9 до 4,3 млн человек, в 2009 г. – от 2,5 до 3,6 млн человек. Директор ФМС России К.О. Ромодановский на конец 2011 г. озвучивал цифру в 9 млн человек, с оговоркой, что 3,3 млн находились в России с целями, не связанными с трудовой деятельностью (т. е. могли приезжать на короткий срок, быть в стране транзитом и т. п.) (Выступление директора ФМС России К.О. Ромодановского «Итоги деятельности ФМС России в 2011 и перспективы ее деятельности в 2012 году» // Итоги деятельности ФМС России в 2011 году. Сборник материалов расширенного заседания Коллегии ФМС. М., 2012. С. 18).

³⁸ Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 38.

В последнее десятилетие среди крупных городов более четко выкристаллизовались центры, устойчиво притягивающие население. Прежде всего, это Красноярск, Новосибирск (вместе с Искитимом и Бердском, входящими в агломерацию), Томск, Хабаровск и Новокузнецк. Центры «второго плана», также имеющие миграционный прирост, меньший по масштабам и неустойчивый во времени – Иркутск (с Ангарском и Шелеховым), Кемерово, условно к ним примыкает Улан-Удэ. Миграционный баланс Омска, Барнаула, Благовещенска, Абакана в 2000-е гг. существенно ухудшился.

Среди малых и средних городов также есть устойчиво привлекаемые для мигрантов. Помимо уже упомянутых Бердска, Искитима и Шелехова это, например, Обь, находящаяся неподалеку от Новосибирска, Новоалтайск, входящий в Барнаульскую и Дивногорск – в Красноярскую агломерацию. В этой же группе – «столичные» Кызыл и Горно-Алтайск. Удаленных от региональных центров городов, устойчиво притягивающих население, практически нет, пожалуй, за исключением Камня-на-Оби в Алтайском крае, да и тот сильно сдал позиции в сравнении с 1990-ми гг. Почему выделяется именно этот город сказать сложно, можно предположить, что это локальный центр притяжения населения, равноудаленный как от Барнаула, так и от Новосибирска.

Среди крупных городов востока России много и тех, которые испытывали в последние 20 лет существенный миграционный отток населения. Это Владивосток, Чита, Комсомольск-на-Амуре, Братск, Находка, Южно-Сахалинск, ряд крупных шахтерских городов Кузбасса, Усть-Илимск и «лидеры» в этой группе – Норильск, Магадан и Петропавловск-Камчатский. Население Норильска сокращается ежегодно за счет миграции более чем на 3 тыс. человек, а в посткризисном 1999 г. регистрируемый отток составил 10 тыс. человек. Среди средних городов по скорости оттока населения лидируют «бамовская столица» Тында, в 1990-е гг. терявшая по 2 тыс. жителей ежегодно, в результате чего ее население за 1990–2010 гг. сократилось почти вдвое. Среди малых городов подобных примеров много – Мирный, Игарка, Билибино и др. Судьба этих городов – свидетельство массового бегства с Севера, сворачивания или, по меньшей мере, серьезной трансформации здесь хозяйственной деятельности.

В результате западного дрейфа и депопуляции из списка больших выпали за 1989–2010 гг. Канск, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Анжеро-Судженск, Магадан (последний, правда, с подчиненными ему населенными пунктами на дату переписи еще считался 100-тысячником), на грани выхода из этой группы – Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Артем. С другой стороны, вошли в число больших городов – Кызыл и Бердск³⁹ (фактически, пригород Новосибирска).

В современной России крупные города, прежде всего – региональные центры, являются островками относительного демографического благополучия по сравнению с окружающими их сельскими территориями, а также малыми и средними городами. Все региональное пространство, удаленное от центров регионов более чем на 50 км (предельная дальность ежедневных маятниковых поездок⁴⁰) представляет собой периферию, и прежде всего периферию в демографическом плане. Сравнительно «полнокровная» сельская местность сохранилась только на юге страны, в Северо-Кавказском и, прерывистыми ареалами, – в Южном и Приволжском округах.

В Сибири и на Дальнем Востоке ситуация еще острее. Как уже говорилось выше, даже крупные центры, такие, как Владивосток, Барнаул, на протяжении длительного времени испытывают миграционную убыль населения. Если Европейскую Россию можно уподобить большой территории с очагами, «пятнами» стабилизации и небольшого роста населения, то на востоке страны этих пятен очень мало. Здесь тоже есть территории, население которых растет за счет естественного прироста, и они могут занимать крупные ареалы (в Якутии, Тыве, Бурятии), но в численном выражении демографического роста это очень мало не только для такой огромной территории, но и для обеспечения демографической подпитки редких городов.

По расчетам от данных переписи 2010 г., население Сибирского и Дальневосточного округов, проживающее в больших городах, с численностью населения свыше 100 тыс. человек (включая региональные столицы, даже те, численность жителей которых меньше – Горно-Алтайск, Биробиджан и Анадырь) и всего осталь-

³⁹ В 2012 г.

⁴⁰ В Московской и Санкт-Петербургской агломерациях дальность маятниковых поездок может превышать и 100 км, но для России это, скорее, исключение.

ного населения, практически равно и составляет 12,5 и 13,0 млн человек соответственно. Из этого «остального» населения 3,3 млн – это жители городских округов с населением менее 100 тыс. человек, и 9,7 млн – муниципальных районов⁴¹.

В последние два десятилетия в России именно региональные столицы и крупные города стягивают население с окружающей периферии. Даже отдавая население «на запад», они являются в большей или меньшей мере центрами миграционного тяготения в пределах своих регионов, а наиболее крупные и привлекательные из них распространяют свое влияние за их пределы. На востоке России это, например, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск, Иркутск, но, как уже говорилось выше, из западной части страны притока населения они не получают.

Крупные города Сибири и Дальнего Востока постепенно будут продолжать стягивать население из сельской местности, малых и средних городов. Пожалуй, только «пристоличные» районы и небольшие города, входящие в состав агломераций (например, Новоалтайск, Обь, Шелехов, Сосновоборск), не будут терять населения. Но какими темпами может происходить этот отток из периферии в центры, каких масштабов достигнет ее людское «сжатие»?

Зачастую масштабное «сворачивание» хозяйственной деятельности в целых регионах или крупных их частях ведет к выезду всего населения или очень значительной его части (Магаданская область, Чукотский АО, северные города и поселки, обслуживающие Севморпуть и т. п.), в миграции участвует все население, без различия возраста. Специфика северных и восточных регионов страны, которая наиболее активно проявлялась в позднесоветский период и сохранилась в современной России – ротационная миграция, в результате которой в динамично развивающиеся регионы и города идет приток молодых специалистов и отток лиц пенсионных и предпенсионных возрастов. Сейчас подобная модель действует, например, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. Но повсеместно в России в ми-

⁴¹ В настоящее время в России территориальные единицы уровня городов и административных районов делятся на городские округа и муниципальные районы, многие из которых сельские, но треть их населения – городское, города, в основном, малые. Как исключение, можно привести 250-тысячный Ангарск, население которого здесь учтено как население крупных городов.

грации наиболее активно участвуют молодые люди в возрасте 17–29 лет. В 2010 г. 39 % фиксируемых российской статистикой миграционных перемещений приходилось на эти возраста. Еще раз напомним, что учет миграции неполон, это касается и учебной миграции тоже⁴².

Оценить миграцию молодежи на уровне городов и административных районов можно, используя данные о распределении населения по возрасту. Расчеты по 20 регионам России⁴³ показали, что в период 1989–2002 гг. в региональных столицах численность молодежи в возрасте 15–24 лет увеличивалась в среднем на 25–30 % по отношению к численности детей в них в возрасте 1–10 лет 14 лет назад (строго говоря, между переписями прошло 13,75 лет). Это можно интерпретировать только как результат миграции молодежи в эти города. Остальные города и районы рассматриваемых регионов теряли 20–25 % молодежи. В отдельных регионах эти потери доходили до 40 % (среди них были, например, Бурятия, Омская и Томская области). Молодежь теряет вся сельская местность, кроме «пристоличных» районов, а также многие города, и чем дальше они расположены от столиц регионов, тем потери больше.

В межпереписной период 2003–2010 гг. процесс стягивания молодежи в региональные центры продолжался. Согласно расчетам, выполненным по 10 регионам востока страны⁴⁴ (табл. 3), столицы регионов и пристойличные районы прирастали молодежью студенческих возрастов, в отдельных случаях – вдвое (Томск), а периферия теряла 25–50 % такого населения. В городах, где функционируют крупнейшие вузы (Томск, Новосибирск, Иркутск) приток молодежи идет не только из «своего»

⁴² Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2005. 10-23 янв. № 185-186. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> (режим доступа: свободный).

⁴³ Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: «Новый хронограф», 2012. С. 688-707.

⁴⁴ Анализ по регионам Дальнего Востока не проводился, т. к. во многих из них расчеты осложняет наличие спецконтингента – военнослужащих. Это видно по нарушению пропорций населения в возрасте 18–22 лет по полу. Так, по Приморскому краю превышение числа мужчин над числом женщин в возрастах 18–22 лет составляет 24,6 тыс. человек, или на 34,4 %.

региона, но и из соседних⁴⁵. Но даже в тех областях и республиках, откуда идет отток населения, в т. ч. молодежи (суммарно по региону), столицы притягивают молодежь.

Таблица 3

**Численность населения в возрасте 18–22 лет в 2010 г.
в региональных центрах и остальных городах и районах,
в % к соответствующим детским контингентам
(10–14 лет) на дату переписи 2002 г.**

Название региона	Столица региона и «пристолич- ный» район	Остальные города и районы
Омская область	132,1	53,1
Новосибирская область	158,0	70,6
Томская область	205,5	59,7
Алтайский край	173,1	67,1
Республика Алтай	154,7	50,0
Республика Хакасия	132,2	74,3
Республика Тыва	113,9	52,5
Иркутская область	140,1	67,9
Республика Бурятия	147,6	70,4
Республика Якутия	178,8	69,7

Источник: Расчеты автора по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

На примере Томской области видно перераспределение молодежи из периферийных районов и городов региона в столицу (рис. 1). Большая численность молодежи в Томске – несомненный результат миграции, в возрастах 18–22 лет более половины – недавние мигранты. Похожая ситуация – во многих других региональных центрах востока страны.

⁴⁵ Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15–28.

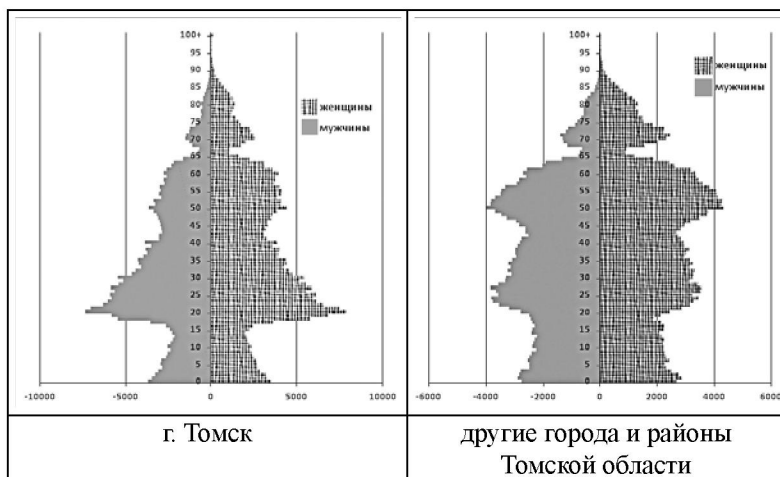

Рисунок 1

**Половозрастной состав населения Томска и других районов
и городов Томской области в 2010 г., человек
(по данным переписи населения 2010 г.)**

Часть мигрантов после учебы в вузах возвращается в места своего прежнего проживания, но их доля невелика. Многие стремятся либо остаться в региональном центре, либо продолжить образование в Москве, Санкт-Петербурге, или за рубежом. Они готовы искать работу в других регионах страны, в крупных городах европейской России. По оценкам Н.Ю. Замятиной, сделанным на основе анализа социальных интернет-сетей (ВКонтакте)⁴⁶, которая охватывает большую часть молодежи, значительная доля выпускников школ сибирских городов уезжают в Европейскую часть страны. Так, около 20 % уехавших из Магадана и Норильска, оказываются в Москве и Санкт-Петербурге, еще около 10 % – в Белгороде, Краснодаре, Воронеже, Ростове-на-Дону и других южных городах. Большие сибирские города не для всех становятся конечным пунктом миграции, для многих – это промежуточный пункт на пути в условную «Москву» или за границу.

⁴⁶ Замятина Н., Пиясов А. Север, социальные сети и «диаспора наоборот» // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2013. 18-31 марта № 547-548. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php> (режим доступа: свободный).

Крупным городам востока России для пополнения своего населения приходится рассчитывать на ресурс своей, т. е. сибирской и дальневосточной внутрирегиональной периферии. И в первую очередь – на приток молодежи. Используя оценки оттока молодежи за последний межпереписной период, попытаемся оценить миграционный потенциал молодежи восточных регионов.

На конец 2010 г. за пределами крупных городов и региональных столиц проживали 1439 тыс. людей в возрасте 10–19 лет и 1636 тыс. – в возрасте 0–9 лет. Если 40 % из них, как показывают оценки от данных последней переписи (табл. 3), покинут свои районы и города, за период 2011–2020 гг. эти потери составят 576 тыс. человек, а за период 2021–2030 гг. – 654 тыс. Такой максимальный приток могут получить крупные города востока страны, но в реальности часть молодежи уедет на запад, в Европейскую часть страны. К ним присоединится и часть молодежи крупных городов. Реальный потенциал миграции, нацеленный на крупные города Сибири и Дальнего Востока, в ближайшее десятилетие составит 350–450 тыс. человек, в следующее десятилетие – 400–500 тыс.

В больших городах и региональных столицах востока России велика численность населения старших возрастных групп. На дату переписи 2010 г. численность людей в возрасте 70 лет и старше составляла 1032 тыс. человек, в возрасте 60–69 лет – 991 тыс. Эти группы людей входят в зону «высокой смертности»⁴⁷, в силу естественных причин эти когорты будут ускоренно выбывать из населения. Приток молодежи из региональной периферии будет восполнять эту убыль не полностью.

В ближайшее десятилетие с неизбежностью сократится рождаемость – по причине резкого уменьшения численности женщин активных репродуктивных возрастов. На конец 2010 г. в больших городах востока страны численность женщин в возрасте 20–29 лет составляла 2696 тыс. человек, а в возрасте 10–19 лет – 1596 тыс., т. е. меньше на 40,8 %. Это же видно на рис. 1 на примере Томской области, или на рис. 2 для всей Сибири и Дальнего Востока. Если интенсивность рождений не продол-

⁴⁷ Согласно показателям таблиц смертности для населения России на 2008 г., из числа 70-летних мужчин до 80 лет доживут 40 %, из числа 70-летних женщин – 60 %.

жит увеличиваться (а, вероятно, она сократится), падение числа рождений будет адекватно сокращению численности молодых женщин. Такое сокращение числа молодых женщин не сможет компенсировать и миграция из внутренней периферии.

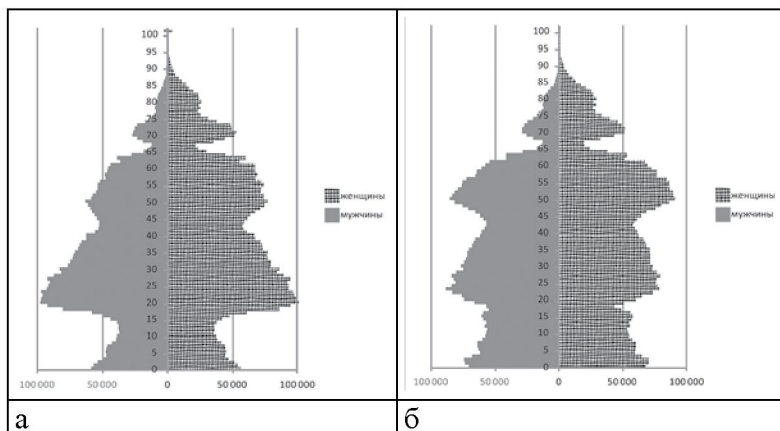

Рисунок 2

**Половозрастной состав населения региональных столиц (а)
и малых и средних городов и муниципальных районов (б)
Сибири и Дальнего Востока в 2010 г., человек
(по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)**

На что же могут рассчитывать города востока России в условиях депопуляции и западного дрейфа? Какое «демографическое будущее» их ожидает?

Прежде всего, резко обострится конкуренция между городами за человеческий ресурс. Как говорил ныне покойный В.А. Глазычев, «конкуренция между местами за людей становится самой острой конкуренцией, за людей с тремя элементами – *голова, руки и сердце*»⁴⁸. Эта конкуренция идет уже сейчас: например, за абитуриентов между Иркутском и Красноярском, между Томском и Новосибирском. У крупнейших городов огромного региона меняется миграционный хинтерланд, и перспективы роста или удержания численности населения будут у тех, чей хинтерланд расширяется. Власти регионов пока не придумали

⁴⁸ Интервью В.А. Глазычева программе новостей Эксперт-ТВ, август 2011 г.

ничего иного, кроме идеи «создания агломераций» (которые и так есть де-факто и мало зависят от усилий современных властей).

Крупногородские формы расселения оказались более живучи и устойчивы к воздействию разного рода вызовов, чем все остальные. Поэтому, представляется, что именно крупные города, городские агломерации могут сдерживать в дальнейшем отток населения и приостанавливать обезлюживание востока России. Чтобы удержать не только своих жителей, но и жителей региональной глубинки от выезда в западном направлении, эти города должны быть привлекательны качеством городской среды, разнообразием мест приложения труда, возможностью полной реализации и роста человеческого капитала.

Города востока России могут приращивать свое население за счет трансграничных мигрантов. В большей мере это пока удастся городам запада Сибири, многие регионы которой непосредственно граничат с Центрально-Азиатским регионом, и являются наиболее близкой (географически) Россией для жителей восточного Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Но за этих мигрантов тоже приходится конкурировать с регионами запада страны. Дальний Восток и Прибайкалье, в силу своего приграничного положения, привлекательны для граждан Китая, и присутствие последних здесь ощутимо. Но Китай – пожалуй, единственная страна, миграция из которой в корне может изменить «облик» наших восточных городов, поэтому с китайской миграцией связаны многие опасения, и «китайская угроза» в данном контексте – не совсем бесплотный миф. Если и есть ресурсы для устойчивого роста Дальневосточных городов, то они – в Китае, и с этим связан серьезный вызов не только городам, но и всему востоку России.

Ситуация, в которой оказались города Сибири – достаточно уникальна для них. Был опыт фронта, бурного заселения и индустриального освоения, но ситуации нарастания замкнутости, «капсулирования» местных сообществ не было. Это – новая ситуация, и она непростая для приема трансграничных мигрантов, с которыми населению городов нужно будет привыкать жить.